

КОНСТРУИРОВАНИЕ ТЕЛЕСНОСТИ КАК МЕХАНИЗМ САМОКОНТРОЛЯ

Сегодня, как никогда раньше, актуализируется проблема телесности. В информационном обществе физическое тело «отстывает» перед телом социальным, границы которого, с одной стороны, значительно шире, но при этом и куда более прозрачны и легко разрушаются в силу любого внешнего давления. Поскольку физическое тело подчинено социальному, а последнее помещено в контекст информационного общества и оказывается крайне уязвимым по причине размытости его границ в связи с всепроникающим информационным шумом, то мы не можем говорить о безопасности и физического и информационного тел. В информационном обществе очень непросто сохранять собственную идентичность и проводить границу между внутренним и внешним. Гармония физического и социального нарушена, что приводит к психофизиологической дисфункции. В статье анализируется проблема современных бодимодификаций, их причины и онтологическая сущность. В результате делается вывод, что телесные трансформации в начале XXI века являются способом и механизмом самозащиты и самоидентификации в условиях информационного общества.

Ключевые слова:

безопасность, бодимодификации, границы, информационное общество, информационный шум, телесность, тело, самозащита, самоидентификация.

Чукуров А.Ю. Конструирование телесности как механизм самоконтроля // Общество. Среда. Развитие. – 2015, № 3. – С. 145–149.

© Чукуров Андрей Юрьевич – кандидат культурологии, доцент, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург; e-mail: achukurov@yandex.ru

Сегодня, как никогда раньше, актуализируется проблема телесности: телесность рассматривается и в контексте ее погруженности в информационный поток, и в контексте утраты психофизиологической гармонии, и, даже – в контексте властных отношений. Еще Марсель Мосс, французский антрополог, обратил внимание на то, что физическое тело оказывается крайне зависимо от социокультурного окружения [10]. Все, вплоть до походки, детерминировано культурным текстом. Иными словами, физическое тело не самостоятельно – оно, во-первых, имеет свойство меняться само под влиянием внешних сил, а во-вторых, изменяет механизмы саморепрезентации в зависимости от контекста, в который оказывается погружено. И в наши дни вполне уместно ставить вопрос о соответствии этого культурного контекста естественным потребностям физического тела и, возможно, о выработке механизмов его «освобождения».

Марсель Мосс писал о телесных практиках, которые человек приобретает с рождения. Он указывал на то, что телесные практики социальны и называл их «habitus» – привычкой, передающийся с помощью памяти, и формирующийся в зависимости от набора определенных условий. «Habitus» варьируются «главным образом

в зависимости от различий в обществах, воспитании, престиже, обычаях и модах» [10, с. 37]. Так телесность «формируется» в процессе социализации, и в реальной повседневной практике мы имеем дело с некоей «культурной телесностью».

Практически все исследователи указывали на сложную организацию феномена телесности и выделяли разнообразные механизмы взаимодействия тела и внешней среды. Вспомним, что Ж. Бодрийяр выделял четыре варианта тела в зависимости от контекста рассмотрения: труп для медицины, робот для политической экономии и т.д. [3] Оригинальная концепция «тела без органов», востребованная, прежде всего, в искусствоведении, была предложена А. Арто [1]. А труды М. Фуко, посвященные взаимодействию тела и социума, трансляции идеи власти через телесность и механизмы социальные воздействия на тело так и вовсе стали классикой «науки о телесности» [15–17]. В отечественной традиции детальной разработкой феномена телесности начинается с А.Ф. Лосева, выделявшего именно социальные характеристики тела [8; 9]. Современные исследователи В.А. Подорога [9], В.Л. Круткин [7], А.В. Жаров [5], И.М. Быховская [4] продолжают эту традицию, анализируют телесность «по слоям» и в контексте социокультурной деятельно-

сти. На тему «границ и формирования» телесности написано довольно много научных трудов, но все они в той или иной степени повторяют упомянутую выше идею М. Мосса. В частности, И.М. Быховская рассматривает тело и телесность и выделяет три составляющих: тело природное (т.е. физическое), социальное и культурное [4]. Природное тело дается нам от рождения, а социальное формируется во взаимодействии с социальной средой. Что до тела культурного, то оно является неким продуктом культуросообразного формирования и использования телесного начала. По мнению автора, именно последнее определяет переход к собственно «личностной» телесности. Выделение «культурного тела» может показаться излишним, но как бы то ни было, именно в данном дискурсе и возникает вопрос: а насколько здесь велика роль «личностного» и присутствует ли в этом процессе свободный выбор? При такой колоссальной несвободе в формировании себя, какое пространство остается для «личного»?

В информационном обществе физическое тело «отстывает» перед телом социальным, границы которого с одной стороны значительно шире, но при этом и куда более прозрачны и легко разрушаются в силу любого внешнего давления. А как следствие, страдает и само физическое тело. Норвежский антрополог Йорун Солхейм пишет: «Я убеждена, что наши новые и быстро распространяющиеся «культурные болезни», такие как анорексия, булимия, фибромиалгия и другие трудно определяемые страдания, в первую очередь надо рассматривать как симптом усугубляющейся проблемы «пограничной линии». Эта проблема связана с сохранением границ тела и, не в последнюю очередь, с недостатком целостности, неприкосновенности женского тела» [12, с. 26]. От себя мы можем добавить, что речь может идти как о теле женском, так и о теле мужском. Но чем больше внешнего давления и ощущения зависимости от среды обитания, тем сильнее проявляется тяга к самоконтролю. Подчас, не осознавая в полной мере грозящей ему опасности, человек разрабатывает собственные механизмы самозащиты от окружающей среды. Именно конец XX – начало XXI века дает нам новые возможности и способы устанавливать этот контроль. Разумеется, иногда это не более чем иллюзия контроля, а иногда тяга к самоконтролю принимает на первый взгляд патологические формы. Если некогда человек достраивал тело сообраз-

но общепринятым племенным традициям и обрядовой культуре или воспринимал тело, как нечто данное свыше, а в христианской концепции – созданное по образу и подобию бога, – то сегодня он предпринимает попытки выстраивать собственное тело, исходя из личностных смысло-жизненных проектов и представлений о безопасности.

Нарушение границ и психофизиологическая дисфункция

В.Л. Круткин совершенно справедливо утверждает, что «телесность человека является интегральной характеристикой, она охватывает как физические, так и метафизические его параметры. Человеку не просто дается данное тело, ему дается тело в данном мире». Однако далее он указывает, что тело и общество не находятся в состоянии антагонизма [7, с. 148]. Именно последний тезис представляется нам спорным.

И прежде чем мы рассмотрим современные телесные практики, вызванные по нашему мнению именно «состоянием антагонизма» тела и общества, обратимся к некоторым поздним размышлениям М. Фуко.

Мишель Фуко, который посвятил огромное количество текстов анализу дисциплинарного общества, утверждает, что оно осталось в прошлом, и сегодня мы имеем дело с обществом контроля. Эта мысль появилась у него в двух лекционных курсах «Безопасность, территория, население» [14] и «Рождение биополитики» [13]. В них он анализирует феномен контроля в дискурсе развития либерализма. Философ утверждает мысль об избытке свободы, о бесконечных возможностях либерализма на современном этапе учитывать множественные интересы, при этом разрабатывая новую, гибкую систему контроля. Причем речь идет об управлении поведением. Власть усиливает вмешательство в личную жизнь пропорционально расширению спектра свобод и их совершенствованию.

Обратим внимание на то, что указанная М. Фуко подобная «либеральная политика» оказывается возможна именно в информационном обществе, где соединение либерализма и контроля достигает своего максимального выражения. Эти два феномена существуют неразрывно – без механизмов информационного общества невозможно представить себе и «общество тотального контроля», так же как и либерализм в полной мере раскрывается и

достигает невероятных вершин именно в эпоху информационного общества.

Именно здесь мы приходим к центральной проблеме. В информационном обществе очень не просто сохранять собственную идентичность и проводить границу между внутренним и внешним. Когда внешний мир вторгается в область внутреннего, интимного, человек испытывает колоссальный стресс. Вспомним, что нарушение «личной зоны», например, в общественном транспорте, ведет к мощному выбросу катехоламинов – адреналина, норадреналина («гормон ярости») и дофамина («гормон страха»). Как следствие, у человека повышается артериальное давление, наблюдается учащенное дыхание и т.д. Это состояние известно под названием «борьба или бегство». Постоянное пребывание в подобном состоянии приводит к ослаблению памяти, депрессиям, хронической усталости, болям и, даже, частым простудам [2]. Мы можем утверждать, что подобный механизм взаимодействия человека и социума работает на всех уровнях. Сегодня «несанкционированное вторжение», как известно, происходит постоянно, ибо современный человек погружен в «информационный шум» и подвергается массивным информационным атакам.

Поскольку физическое тело подчинено социальному, а последнее, как уже было сказано, помещено в контекст информационного общества и оказывается крайне уязвимым по причине размытости его границ в связи с всепроникающим информационным шумом, то мы не можем говорить о безопасности и физического тела. Гармония физического и социального нарушена, что приводит к психофизиологической дисфункции. В попытках вернуть утраченную гармонию, избежать несанкционированного вторжения в пределы собственной телесности, мы все чаще сами разрабатываем механизмы формирования и укрепления границ своей личности.

Нередко человек стремится не просто изменить свое тело, но уменьшить его, сделать тем самым незаметнее – ведь это тоже один из возможных способов обретения чувства безопасности. Именно в этом многие исследователи видят корни все той же анорексии. «В этом свете нет ничего удивительного в том, что значительная часть патологий семьи состоит в проблемах границ, таких как анорексия, нарциссизм, злоупотребление наркотиками и инцест. Речь идёт о границах, которые нарушаются, и стратегиях отчаяния, направленных на то, чтобы взять под контроль собствен-

ную внутреннюю территорию, которая для этого может заполняться, опустошаться, увеличиваться и уменьшаться», пишет социальный антрополог Тиан Серхауг [12, с. 31]. То есть, чем меньше тело, тем легче его контролировать. Иными словами, в какой-то степени продолжая и дополняя мысль М. Фуко, мы можем говорить не столько об обществе контроля, сколько об обществе самоконтроля.

Лишь осознавая границы, мы отдаем себя отчет в том, кто мы есть и осознаем себя. Человеку свойственно стремление определять «границы себя», а если эти границы не идентифицируются «естественным» образом, то их надо установить ради обретения чувства безопасности. Проблема границ – это ключевая проблема информационного общества. Сегодня научные достижения позволяют нам конструировать наши тела, исходя из особенностей самоидентификации. Но иная причина подобного конструирования – это превращение тела не только в инструмент саморепрезентации, но и в убежище.

Именно с последним и возникают трудности. Человек не чувствует себя в безопасности в собственном теле. В.А. Подорога утверждает: «...слишком доступное нам переживание собственного тела, которое неожиданно сталкивается с ему противоположным: вы все-таки находитесь внутри особой телесной машины и не имеете над ней полной власти, и в каждое мгновение можете утратить контроль. Ваше собственное тело (переживаемое как вам принадлежащее) в глубинном истоке существования принадлежит не вам, а скорее внешнему миру» [11]. А потому и возникает стремление к изменениям. Также, как укреплялись стены средневековых замков и крепостей, так человек сегодня стремится укрепить, модифицировать стены своей телесности для обретения чувства уверенности и безопасности.

Культура самоконтроля и защитные механизмы тела

Тело во все времена «доставалось»: одеждой, косметикой, татуировками и шрамами. Таким образом обеспечивалась постоянная связь тела и космоса, гарантировавшая гармонию. В архаических сообществах, например, одежда традиционно выполняла витальные функции, или «сбирала витальность». Модная индустрия уничтожила эту функцию одежды. В свою очередь, утрата одеждой сакральных функций должна приводить к формированию новых механизмов сбирания витальнос-

ти, поскольку жизненные силы человека необходимо восполнять. Современный человек отчасти возвращается к архаическим механизмам дотройки тела, превращения своего тела в видимый объект, отчасти же вырабатывает новые механизмы, по сути схожие с архаическими.

Во многих этнических культурах нанесение шрамов – это фиксация перехода на новую социальную ступень, часть обряда инициации или брачного обряда. Иными словами, шрамы – это история, которую проживает человек. В культуре трансмодерна – шрамирование это создание истории: человек создает себя, свою индивидуальность и историю своей жизни посредством нанесения шрамов. Бизнес, связанный с различными видами бодимодификаций (стампинг, танг-сплитинг, скарификация, все виды бодипэйтинга и пр.) оказывается невероятно востребованным в начале XXI века. Бодимодификации сегодня – это больше, чем субкультурное явление. Это движение, день ото дня набирающее обороты и последователей. Но создание своей истории и индивидуальности – лишь часть причин подобного конструирования. Другая причина – это боль. «Боль – это нечто определенное, а определенность позволяет делать различия. Различия же в свою очередь, позволяют вводить понятия и устанавливать некий минимальный порядок, без которого невозможно жить» [12, с. 300]. Боль позволяет вернуть утраченные границы тела, сделать размытое и неясное – конкретным и осязаемым. Не случайно особую популярность сегодня обретает именно стампинг – отрезание фаланг или только самых кончиков пальцев. В США уже появилась целая сеть клубов любителей стампинга. Ведь именно в этой добровольной ампутации воплотилось все, к чему стремится современный человек – боль и физическое, абсолютно осознанное и осязаемое формирование новых границ своего тела.

Наше тело имеет право как на совершенство в соответствии с требованиями массовой культуры, – а на создание совершенного тела сегодня направлены колоссальные силы пластической хирургии и весь «фитнес-бизнес», – так и на болезненность и «поврежденность», поскольку и в первом, и во втором случае мы имеем дело с механизмами адаптации и формами самоконтроля и выстраивания границ. То, что нередко обыденное сознание воспринимает как саморазрушение, по нашему мнению, на самом деле таковым не является – это вариант самоидентифика-

ции и обретения индивидуальности. Так, суицид – это не более чем установление границ между собственной телесностью и внешней средой, это радикальная телесная практика. Человек, безусловно, имеет право на жизнь, но точно также он имеет право на смерть, а потому, например, запрет на эвтаназию – это покушение на естественные права человека, проявление стремления социума к контролю и подчинению. Вспомним, что все тоталитарные общества недавнего прошлого объявляли суицид «вне закона», морально осуждали самоубийц и умалчивали статистику суицидов. Вспомним также, что в России с 2000 года ведется активная борьба со всеми Интернет-страницами, посвященными суицидальным практикам. Разумеется, предлогом здесь становится тезис о вреде подобной информации для несовершеннолетних.

Норвежский психотерапевт и философ Финн Скэрдеруд в своей книге «Беспокойство. Путешествие в себя» говорит о том, что в современном обществе стираются рамки пространства и времени, а там, где границы отсутствуют, их необходимо установить, так как именно они порождают индивидуальность, основанную на нашем умении отличать себя от других [12].

С древнейших времен бодимодификации были наиважнейшей частью культуры. Причины, как уже упоминалось, у них были самые разные. Тело «дотраивалось» при переходе на новый социальный уровень, в ситуации изменения брачного статуса, в ходе инициаций и т.д. Тело обретало «видимость», становилось «говорящим», обеспечивая за счет этих трансформаций своего владельца жизненными силами. В современном нам информационном обществе причины для тех или иных телесных трансформаций ничуть не менее серьезны и значимы. Мы не можем рассматривать какие-либо телесные практики как патологические, поскольку именно посредством их тело входит в культуру. Не зря без редупликации тело в архаических культурах оставалось невидимым или бесполом. Каждая культура создает свои собственные телесные ритуалы, маркируя социальный или экономический статус, эмоциональное или физиологическое состояние. Каждый из подобных ритуалов/практик является проявлением механизма социокультурной адаптации, и нередко оказывается откликом на те или иные вызовы среды.

В 1985 году Донна Харауэй написала «Манифест киборгов» [18]. Этот отчасти иронический текст, обращенный к ана-

лизу женского опыта, во многом предвосхитил сегодняшний день. Феминистка утверждает мысль, что мы киборги, это наша онтологическая сущность, ибо киборг – это соединение материальной реальности и воображения. Примечательно, что во многом причиной «рождения» киборга становится прорыв границ между человеческим и животным; между животным-человеческим и машиной; между физическим и нефизическим. «Достраивание» себя – это механизм выживания и достижения гармонии. Киборг – это достижение целостности и, в том числе, преодоление гендерной биполярности, ибо киборг является существом постгендерного мира [18]. Это символ единства и целостности.

У Юлии Кристевой есть замечательное понятие – «абжект» [abject] – «отвратительное», что в своей «радикальной отброшенности» тянет человека к границе смысла [6]. Чужеродное и грубое, оно вторгается в тебя, вызывая отторжение. У тела есть естественная защита от вызывающей от-

вращение еды – рвота. Эта защита нашего физического тела. Но у социального тела естественной защиты нет. Как нет и данных природой границ. Между тем информационный шум – это то самое грубое вторжение, от которого необходимо обеспечить защиту. Именно сейчас мы приходим к культурному феномену самоконтроля посредством искусственно вызванной «культурной рвоты» или боли, в основе своей имеющих стремление к установлению границ и осознанию себя в них.

В начале XXI века мы наблюдаем формирование нового типа культуры – культуры самоконтроля, когда в ситуации колоссального внешнего давления и перманентного нарушения границ социального тела, а, как следствие, и тела физического, человек решает отвоевать себе право устанавливать границы самостоятельно и свободно. Таким образом, современные бодимодификации мы можем рассматривать как способ и механизм самозащиты и самоидентификации в условиях информационного общества.

Список литературы:

- [1] Арто А. Театр и его двойник. Театр Серафима / Пер. с фр. и комментарии С.А.Исаева – М.: Мартис, 1993. – 192 с.
- [2] Биохимии для студента. – Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://biokhimija.ru/lekcii-po-biohimii/25-gormony/177-kateholaminy.html> (30.07.2015)
- [3] Бодрийяр Ж.М. Прозрачность зла. – М.: Добросвет, 2009. – 387 с.
- [4] Быховская И.М. Номо somaticus: аксиология человеческого тела. – М.: Эдиториал УРСС 2000. – 312 с.
- [5] Жаров Л.В. Человеческая телесность: философский анализ: Автореф. ... д. филос. н. – Свердловск, 1988.
- [6] Кристева Ю. Отвращение // DEJA VU алиби-не-алиби – Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://ec-dejavu.ru/d/Disgust.html> (27.07.2015)
- [7] Круткин В.А. Телесность человека в онтологическом измерении // Общественные науки и современность. – 1997, № 4. – С. 143–151.
- [8] Лосев А.Ф. Бытие. Имя. Космос. – М.: Мысль, 1993. – 958с.
- [9] Лосев А.Ф. Миф. Число. Сущность. – М.: Мысль, 1994. – 920 с.
- [10] Мосс М. Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии / Сост., пер. с фр., предисловие, вступит, статья, комментарии А.Б. Гофмана. – М.: КДУ, 2011. – 416 с.
- [11] Подрога В.А. Феноменология тела. / DEJA VU алиби-не-алиби – Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://ec-dejavu.ru/b/Body.html> (25.07.2015)
- [12] Скэрдеруд Ф. Беспокойство. Путешествие в себя / Пер. с норв. М. Эскина. – Самара: Издательский Дом «Бахрах-М», 2003. – 480 с.
- [13] Фуко М. Рождение биополитики. Курс лекций // Центр гуманитарных технологий. Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://gtmarket.ru/laboratory/doc/6709> (28.07.2015)
- [14] Фуко М. Безопасность, территория, население. Курс лекций // Центр гуманитарных технологий. – Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://gtmarket.ru/laboratory/doc/6693> (28.07.2015)
- [15] Фуко М. История безумия в классическую эпоху / Пер. с фр. И. Стаф; под ред. В. Гайдамака. – СПб.: Университетская книга, 1997. – 575 с.
- [16] Фуко М. Забота о себе. История сексуальности. Т. 3. – Киев: Дух и Литера, 1998. – 282 с.
- [17] Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / Пер. с фр. В. Наумова; под ред. И. Борисовой. – М.: Ad Marginem, 1999 – 479 с.
- [18] Haraway D. A cyborg manifesto. Science, technology and socialist-feminism in the late twentieth century // The European Graduate School. – Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://www.egs.edu/faculty/donna-haraway/articles/donna-haraway-a-cyborg-manifesto/> (10.08.2015)